

Пауза
Хузахметова

194

Перебирая

лет

страницы

ПЕРЕЛИСТЫВАЯ старый альбом, я увидела фотографии, о которых уже позабыла. На снимках запечатлена встреча известной певицы, любимой многими почитателями татарской песни, Альфии Авзаловой и коллектива димитровградского (тогда ещё мелекесского) самодеятельного драмкружка, в котором занимался мой отец – Мингалим Хузахметов. Вот на переднем плане сама гостья – молодая красивая женщина, что-то увлечённо рассказывающая. Вокруг неё стоят актёры, радуясь встрече, внимательно её слушают. Справа на фотографии стоит мой отец, смотрит прямо в объектив – молодой, сияющий... Как рассказывала старшая сестра, на этой встрече отец пел с именитой гостьей куплеты из музыкального спектакля «Башмачки».

Как давно это было... Я тогда была маленькой. Однажды отец взял меня с собой в двухдневную поездку в какую-то деревню, где их творческий коллектив должен был выступить. Мне было лет десять, но я хорошо запомнила это путешествие.

В тёплый летний день мы долго ехали по просёлочным дорогам в маленьком автобусе, в котором трудно было повернуться из-за большого количества вещей – реквизита, который везли с собой на спектакль артисты. Люди разных возрастов и профессий, они в свободное от работы время ездили по маленьким татарским деревням и показывали спектакли, давали концерты. Что ими двигало? Любовь к искусству? Любовь к татарскому языку? Желание играть на сцене, видеть радостные лица зрителей и слышать аплодисменты? Тяга друг к другу творческих людей с активной жизненной позицией? Наверное, всё вместе. Они сидели в автобусе, радуясь поездке, то дружно запевая песни, то весело переговариваясь. Как поёт сердце, когда ты отправляешься в путешествие, и рядом с тобой твои единомышленники! Став взрослее, я тоже испытала это чувство.

В деревне нас разместили в каком-то деревянном домишке, в котором радужная хозяйка предлагала мне выйти в сад и нарвать яблок с большой яблони

прямо за окном. До вечера ещё оставалось время, и я вместе с другими детьми, которых взяли в поездку, ходила на речку и плавала там на мелководье. А потом мы побежали в клуб. Со всех сторон туда уже сбегались вездесущие мальчишки. А в самом клубе шли приготовления к вечернему спектаклю – расставлялись декорации, передвигались стулья и скамейки. Кстати, по рассказам старшей сестры, которая иногда ходила с отцом на репетиции драмкружка, декорациями занимался только отец – самый старший по возрасту из «актёров». Устанавливал, укреплял их, а после репетиций разбирал, складывал. Это было в его духе – делать что-то для общего блага без просьб, без напоминаний, просто потому, что это кто-то должен сделать.

Вечером зрительный зал клуба был полон. В те времена ещё редко в деревни приезжали с концертами, да и фильмы ещё не часто показывали, и приезд городских артистов, хоть и самодеятельных, был для деревенских жителей большим праздником.

Сначала был показан спектакль, а потом актёры, переодевшись, показали концерт – пели песни, читали стихи. Каждое выступление было встречено «горячими» аплодисментами. Уже поздно вечером закончилось представление. Не всё осталось в памяти об этой поездке, но то, как встречали в клубе артистов, как им были несказанно рады, запомнилось...

...Ещё раз смотрю на старую фотографию самодеятельного творческого коллектива. Я уже не помню имён этих удивительных людей. Вот высокий молодой мужчина. У него был красивый сильный голос, который я узнавала, даже когда коллектив пел хором. Вот молодой человек и красивая девушка. Они играли вместе в спектакле, где молодой человек называл её «күгәрченем»¹, а девушка однажды забыла свои слова и долго ходила по сцене, молча. Потом она воскликнула: «Мустафа, минем Му-

*Альфия Авзалова (на первом плане, в центре);
Мингалим Хузахметов (за столом, первый справа)*

Коллектив мелекесского драмкружка. В центре первого ряда – Альфия Авзалова; во втором ряду стоит вторым справа – Мингалим Хузахметов

¹ Күгәрченем (тат.) – моя голубка.

стафа!»¹ – и убежала со сцены. А вот женщина, с которой отец пел весёлые куплеты, выступая в Куйбышеве на Всероссийском смотре художественной самодеятельности. Это было в 1967 году. Он, помнится, был награждён тогда Дипломом первой степени. Концерт ещё показывали по телевизору.

Было радостно смотреть на отца в образе старого бабая², который подступает с комплиментами к молодой девушке. Оба очень хорошо передали свои образы, да и куплеты были интересными. А когда отец приехал домой, мы спросили: почему он так часто трогал свои накладные усы? Он улыбнулся и сказал, что наклеил их перед концертом, а когда начал петь, усы стали отклеиваться. Но зрители не обратили на эти мелочи внимания и проводили дуэт бурными аплодисментами, артисты выходили на поклон дважды. Запомнилось: выходя второй раз к зрителям, отец забыл, что он

только что изображал старого бабая и быстро выбежал на сцену, чуть подскочив вначале, как это делают спортсмены...

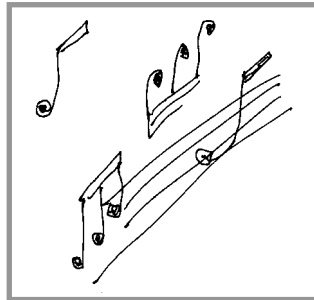
...Воспоминания, вызванные старыми фотографиями... Добрые, радостные, светлые... Как и всё, что связано с родителями и осталось в памяти навсегда.

Вызванные тёплой волной воспоминаний, как-то сами собой сложились эти строки:

Перебирая лет страницы,
Я вновь увижу отчий дом.
Как будто детство возвратится
И побежим с ним босиком...

Куда? Не знаю, только слышен
Звонящий смех наш вдалеке,
И рвётся в небо – выше, выше
Воздушный змей в моей руке.

Бежим, хохочем, а дорога
Летит под ноги без конца.
И знаю точно: у порога
Увижу маму и отца.

196

перебирая лет страницы...

¹ Мустафа, минем Мустафа! (мам.) – Мустафа, мой Мустафа!

² Бабай (мам.) – дед.